

Таким образом, реализуемый в трилогии А. Айдамирова основной конфликт строится на противостоянии силы народного духа, самобытности его мышления и поведения, идеи свободы линии официальной власти, жестко подавляющей и унижающей народный патриотизм, свободолюбие, чувство человеческого достоинства и национальной гордости. И, тем не менее, этот острый и глубокий социально-политический, духовно-нравственный и психологический конфликт, талантливо реализуемый в художественный, эпико-драматический конфликт произведения, завершается торжеством и победой народной идеи и правого дела.

Список литературы

1. <http://www.mifinarodov.com/n/nikta.html>
2. <http://www.symbolarium.ru/index.php/>
3. <http://enc-dic.com/symbol/Burja-86/>
4. <http://sigils.ru/symbols/bura.html>
5. <http://ilibrary.ru/>
6. <http://www.souz.info/library/lenin/herzenmem.html>
7. Абдуллаева Х. Чеченская проза: историко-культурный аспект / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998.
8. <http://elibia.ru/apoha#sthash.UgWpGhXi.dpuf>
9. Айдамиров А. Собр. соч. в 6 т. Т. II. Молния в горах. – Грозный, 2004.
10. Джамбекова Т.Б. Роль фольклора в эволюции чеченской прозы XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Майкоп, 2010.

References

1. <http://www.mifinarodov.com/n/nikta.html>
2. <http://www.symbolarium.ru/index.php/>
3. <http://enc-dic.com/symbol/Burja-86/>
4. <http://sigils.ru/symbols/bura.html>
5. <http://ilibrary.ru/>
6. <http://www.souz.info/library/lenin/herzenmem.html>
7. Abdullaeva H. Chechenskaya proza: istoriko-kulturnii aspekt. – M., 1998.
8. <http://elibia.ru/apoha#sthash.UgWpGhXi.dpuf>
9. Aidamirov A. Sobr. soch. in 6 vol. T. II. Molniya v gorah. – Groznii, 2004.
10. Djambekova T.B. Rol folkloru v evolucii chechenskoi prozi XX veka. – Maikop, 2010.

ОБ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ХУДОЖЕСТВЕННО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ И ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РОМАНА АБУЗАРА АЙДАМИРОВА «БУРЯ»¹

Джамбеков Овхад Алихаджиевич, кандидат филологических наук, Чеченский государственный педагогический институт, 364037, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33, e-mail: sharani-999@mail.ru.

Джамбекова Тамара Белаловна, доктор филологических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический институт, 364037, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33, e-mail: atb-1952@mail.ru.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14–04–00465.

В данной статье рассматривается система эпиграфов ко всем главам романа чеченского писателя Абузара Айдмирова, которая характеризует многоплановость идейного замысла произведения. Привлекаемые эпиграфы свидетельствуют, прежде всего, о скрупулёзной подготовительной работе и эрудиции писателя.

Ключевые слова: эпиграфика, национальный колорит, традиционная культура народа, фольклорный пласт

ABOUT THE BASIC ELEMENTS OF ART-INFORMATIVE AND ANALYTICAL STRUCTURE OF THE NOVEL BY ABUZAR AIDAMIROVA "THE TEMPEST"

Djambekov Ovhad A., Candidate of Philological Sciences, Chechen State Pedagogical Institute, 364037, Russia, Chechen Republic, Grozny, 33 Kievskaya st., e-mail: sharani-999@mail.ru.

Djambekova Tamara B., Doctor of Philological Sciences, Professor, Chechen State Pedagogical Institute, 364037, Russia, Chechen Republic, Grozny, 33 Kievskaya st., e-mail: atb-1952@mail.ru.

This article considers the system of the epigraphs to all chapters of the novel Chechen writer Abuzar aidamirova, which characterizes the ideological diversity of design work. Draw the epigraphs suggest, first of all, the meticulous preparatory work and erudition of the writer.

Keywords: epigraphica, national character, traditional culture, folklore formation

Важнейшим компонентом и одновременно фактором глубокой передачи многоплановости идейного замысла романа Абузара Айдмирова «Буря» через структурно-композиционную целостность и стройность жанровой конструкции произведения, в том числе и через фольклорный дискурс, является такая сильная позиция текста, как система эпиграфов ко всем главам произведения. Причём в некоторых случаях количество эпиграфов к одной главе не ограничивается лишь одним.

Их жанровый и тематический диапазон и потенциал чрезвычайно широк и разнообразен. Весьма интересно проанализировать и примерно сопоставить соотношение каждого типа источников эпиграфических текстов, используемых Абузаром Айдмировым в своём произведении.

На первый взгляд совокупность данных текстовых источников может показаться довольно эклектичной, но на самом деле комплекс этих текстов представляет собой разветвленную систему, имеющую внутри себя определенный паритет, в котором своё достойное место занимают и фольклорные материалы. Широкий диапазон привлекаемых автором для эпиграфов источников (как, впрочем, и для всего произведения) свидетельствует как о глубочайшей и скрупулёзной подготовительной работе, так и о широчайшей эрудиции писателя.

Каждый пласт материала чрезвычайно важен, по-своему близок и не случаен для писателя, но на наш взгляд, наиболее продуктивен, пожалуй, фольклорный пласт.

Среди используемых Абузаром Айдмировым в своем произведении разнообразных источников для эпиграфов необходимо выделить четыре основных типа. Тексты первого типа имеют прозаическую форму, все последующие – стихотворную.

Тексты первого типа – это различные высказывания политических деятелей, ученых, мыслителей, публицистов, то есть фрагменты научно-документальных и публицистических текстов. Данный вид источников имеет, прежде всего, информационно-аналитическое значение. Этот блок микротек-

стов особенно важен в контексте интерпретации и реинтерпретации истории, связанных, в частности, со сменой режимов и, отсюда, – со сменой мифологем.

Хотя очевидно, что Абузар Айдамиров мало подвержен подобной смене ориентиров и идеологем, имеет свою устойчивую и прочную авторскую концепцию, тем не менее, динамика исторических процессов не может миновать и его мировосприятия.

Во-вторых, это фрагменты священных текстов Корана, которые имеют двоякое значение, двоякий смысл: с одной стороны, это тексты религиозно-философского и религиозно-моралистического характера, с другой – это тексты, имеющие совершенную художественную форму, адекватную их высокому духовному содержанию.

Следующие два типа исходных текстов являются собственно художественными текстами – литературно-поэтическими и аутентично-фольклорными. Именно эти два раздела закономерно привлекают наше внимание в большей степени.

Более подробно оценим и охарактеризуем каждую группу текстов.

Наличие большого пласта документального материала как в самом тексте романной трилогии Абузара Айдамирова, так и в эпиграфах к этим произведениям, и к роману «Буря» в частности, свидетельствует как о высоком информационно-интеллектуальном потенциале автора и его произведений, так и об определенном тождестве научного и художественного постижения жизни в представлении автора, в его исходных позициях.

Среди авторов эпиграфов к роману Абузара Айдамирова «Буря» – политических деятелей, ученых, публицистов – мы встречаем достаточно разнообразные имена и фигуры. Так, эпиграфом к первой главе «В крепости Ведено» поставлено высказывание крупного советского политического и государственного деятеля Г.К. Орджоникидзе, являющееся своего рода научно-публицистической и социально-политической экспозицией: «Положение горцев до революции было самое ужасное. Горцы находились почти вне закона. Горцев считали только разбойниками, и за убийства горца почти не привлекали к ответственности. За самое малейшее проявление протеста целый аул подвергался экзекуции» [1, с. 5]. Эпиграф к главе двенадцатой «Мечь» с известными и широко цитируемыми в контексте основной темы романа «Буря» положениями об адекватном ответе террора абреков на террор власти принадлежит чеченскому революционеру Асланбеку Шерипову.

Главе двадцать шестой «Судьба Али» предшествует глубокое и ёмкое изречение французского просветителя Ф. Вольтера «Мужчина познается в беде» [1, с. 215]. Афористическое образное выражение чешского писателя и публициста Юлиуса Фучика с глубоким обобщающим смыслом о том, что «Отдельные люди теряют благородство, но народы – никогда» предпослано главе одиннадцатой «Каратели» [1, с. 191].

Двум главам – тринадцатой – «В Государственной Думе» и двадцать пятой – «В Петербурге» предшествуют две цитаты из трудов В.И. Ленина, одну из которых необходимо процитировать в силу её глубины, справедливости, пронизательности, лапидарности, яркости и ясности интеллектуального и словесного выражения: «Русский народ не может завоевать себе свободу, не борясь за свободу других народов» [1, с. 500].

Главы восемнадцатая «Два врага», девятнадцатая «Война с женщинами и детьми» и двадцать шестая «Грозные призывы» сопровождаются эпиграфами из научных и публицистических текстов выдающегося русского историка-кавказоведа, современника описываемых в романе Абузара Айдамирова «Буря» событий, профессора П.И. Ковалевского. В цитируемых чеченским писателем в своих эпиграфах фразах русского ученого звучит истинное восхищение П.И. Ковалевского чеченским народом, который сравнивается им с

250-тью тысячами горных орлов, самой Чечней, которая представляет собой неприступную крепость...

Особенно значимы высказывания П.И. Ковалевского о главном герое романа «Буря»: «Кто обречён Зелымханом на смерть, тот будет убит. Его не спасет ни отставка, ни переселение... Зелымхан неуловим. Его оберегают 250 тысяч чеченцев» [1, с. 326].

Таким образом, даже эпиграфы, являющиеся фрагментами научных и публицистических текстов, несут большую эмоционально-экспрессивную нагрузку, оказывающую большое влияние на внутреннюю структуру произведения, на восприятие романа читателем. Можно утверждать, что в каждом из данных, ставших эпиграфами фрагментов внехудожественных текстов, имеют место не только логические, рациональные начала, но и начала образные, духовно-нравственные, художественные, активно связанные с манифестацией народного начала.

Множество важнейших функций в романе Абузара Айдамирова «Буря» выполняет большой блок стихотворных эпиграфов трёх основных типов – фольклорных, принадлежащих профессиональной поэзии и заимствованных из Корана. Однако главное и общее для всех них назначение – это служить своеобразным рефреном, пунктиром, лирическим комментарием, лирическим подтекстом и контекстом к эпическому и драматическому содержанию романа и одновременно выражать специфику национального народного коллективного сознания.

Среди поэтических текстов эпиграфов к роману ключевое место занимают тексты традиционного песенного фольклора. Собственно фольклорные тексты избраны эпиграфами к пяти главам. Их жанровая принадлежность во всех случаях обозначена автором как «народная песня». Содержание всех фрагментов этих фольклорных произведений носит глубокий и пронзительный, по преимуществу трагический смысл. Данный эмоционально-экспрессивный эффект достигается острыми и яркими способами и приёмами организации поэтической речи в произведении устного народного творчества.

К примеру, текст эпиграфа к Главе второй «Мстители» насыщен типичными для чеченского фольклора метафорами, метонимиями, сравнениями, построенными, в основном, на мотивах и образах природы, зачастую тотемистического характера, с элементами анимизма и антропоморфизма:

Мой дом – звериная берлога,
Постель подо мною – трава и листва,
Накрываюсь я холодным туманом,
Вместо подушки – неотесанный камень,
Проголодаюсь я – буковую ем кору... [1, с. 23].

Все употребленные в данной песне образы потрясают слушателя и читателя создаваемым в тексте ощущением драматической жестокости и бесприютности существования человека из народа, отвергнутого и отверженного социумом. Данное ощущение определяется и формируется такими художественными деталями, традиционными чеченскими этнокультурными устойчивыми формулами фольклорных песен, как звериная берлога, холодный туман, неотесанный камень, голод – буковые листья.

Однако природа воспринимается и оценивается в фольклорных текстах подобного рода и как спасительный образ родины, поскольку природа дает человеку-изгою общества и дом, и кров, и очаг: *постель подо мною – трава и листва, Жажду утоляю росой травяной*. Особенно трагична в данном тексте констатация того, что для абрека (а именно от его лица создана данная песня) единственным верным другом является оружие...

Намеченный в данном эпиграфе лейтмотив находит дальнейшее продолжение и развитие в фрагменте народной песни, поставленном эпиграфом к Главе пятой «Новые люди, старые нравы», в котором лишь усиливается ощущение человеческого одиночества и беспросветного мрака, преследующего народного героя-одиночку, посредством употребления образов-символов животного мира с отрицательной коннотацией, усиливаемой эпитетами *старый, голодный, черная*, глаголами *выть*, пожалеет:

Над тобою будет выть
Старый волк голодный,
Пожалеет же тебя
Черная лишь галка... [1, с. 75]

Еще одна трагическая тема чеченского национального фольклора – тема народного изгнания жестокого, несправедливого, незаслуженного – появляется в эпиграфе к Главе двадцать четвертой «В Синеи Сибири»:

С отчизною нас разлучили враги,
Ослаблены голодом, холодом, горем,
Как призраки бродим по *Синеи Сибири*,
И нет кроме Бога товарища с нами [1, с. 473].

В данной песне образы всеобщих народных страданий и бедствий приобретают более высокое звучание, более обобщенный типизированный характер. Создается данная тональность путем включения с текст народной песни более высокой лексики и фразеологии, – в частности, лексем, обозначающих Бога и отчизну. Кроме того, данная песня в большей степени выражает коллективное, а не индивидуальное, единоличное сознание, что уже свидетельствует о некоем духе сплоченности и большей защищенности индивидуума (хотя бы и ценой общего, всенародного горя, испытания). Мотив *Синеи Сибири*, в котором применен цветовой эпитет, символизирующий наиболее холодный раздел спектра, конкретизирует понятия *голодом, холодом, горем*. Здесь убедительно обыгрывается и распространенная в традиционном песенном фольклоре антитеза *враги – товарищи*.

Поставленный эпиграфом к главе двадцать третьей «В Окружении» фрагмент народной песни отличается особенным лиризмом. Он так же построен на антитезе, отрицательном параллелизме, состоящем как из крайне позитивных, так и из негативных образов и мотивов:

Как мед пчелиный, сладок мир,
Согретый солнечным теплом.
Подобно желчи, горек мир,
Когда в душе печали ком... [1, с. 453]

Подобное пересечение, противостояние позволяет представить противоположные жизненные ценности в остром столкновении и непримиримости и одновременно демонстрирует в высшей степени положительное мироощущение, несмотря ни на какие трудности и испытания свойственное народному мировосприятию.

В эпиграфе к Главе двадцать первой «Новые беды» мрачная и грозная тематика достигает своего апогея, приобретая все более угрожающий и устрашающий, скорбный и трагический характер:

Окруженный врагами,
Зажат я в кольцо,
И со злобным оскалом
Смотрит смерть мне в лицо... [1, с. 408]

Однако данная тональность переключается на более оптимистический лад, свидетельствующий о духовно-нравственной силе и душевном здоровье народного сознания:

Но с надеждою глядя,
Спасения жду... [1, с. 408]

Именно данное финальное двестишие песни несёт в себе положительную энергию, создающую тот необходимый запас внутренней силы и мифологему свободы, который присущ любому народу и выражен в фольклоре каждого народа как самая определяющая его сторона.

Непосредственным развитием фольклорного начала в эпиграфике романа Абузара Айдамирова «Буря» становятся фрагменты лирических произведений профессиональных поэтов. Абузар Айдамиров в выборе стихотворных эпиграфов из профессиональной поэзии к шести главам романа «Буря» демонстрирует тонкое поэтическое чутье, блестящее владение литературным и фольклорным материалом, что приводит к глубокому феноменологическому формированию эпиграфического дискурса в романе «Буря».

Авторство большинства этих эпиграфов принадлежит двум выдающимся чеченским писателям и поэтам, соратникам и старшим современникам Абузара Айдамирова – Магомету Мамакаеву и Ахмаду Сулейманову, мировосприятие которых было весьма созвучно творческой индивидуальности автора романа «Буря» и целиком построено на народном мировоззрении.

Один из эпиграфов взят из наследия еще одного классика чеченской литературы, поэта и философа Магомед-Салаха Гадаева. Еще один из эпиграфов принадлежит перу великого осетинского поэта Коста Хетагурова и, наконец, последний фрагмент для эпиграфа к Главе двадцатой «Сын народа» взят из творчества персидско-таджикского поэта одиннадцатого века Хисроу (Хосрова):

Воистину, друзья те, кто наши
Кандалы надели на себя... [1, с. 381]

В этом двестишии заключена глубокая мысль о важнейшей народной способности к самопожертвованию.

Характерно, что в своём выборе литературных поэтических эпиграфов Абузар Айдамиров последовательно придерживается одной главной линии – в дихотомии Восток–Запад полностью преобладает или прямое или условно-восточное (проявленное через Кавказ) начало. Литературные источники данных стихотворных текстов принадлежат исключительно поэтам Чечни, Кавказа, средневекового Среднего Востока. Такое явление глубоко мотивировано – автор концентрирует внимание именно преимущественно на исламской (за исключением осетинского поэта Коста Хетагурова) духовно-нравственной и культурной парадигме. Одновременно это не является признаком изоляционизма, поскольку в первой группе эпиграфов были представлены весьма широко тексты самой разнообразной национально-этнической ориентации.

Абсолютное большинство других поэтических эпиграфов к роману Абузара Айдамирова «Буря» несёт глубокую внутреннюю печать сильного влияния национального фольклора, восточной поэзии, отчасти Корана.

Весьма близким традиционной арабской и персидской средневековой поэзии выглядит и эпиграф из Магомета Мамакаева Главе VI «Последние раны», наполненный стилистикой и образной экспрессией восточной любовной лирики, насыщенной такими стилистическими приемами, как анафоры и другие виды повторов, восклицания и риторические вопросы, развернутые олицетворения, метафоры, аллегории:

Я глаз твоих прежнего блеска не вижу,
Когда он впервые меня согревал,
Когда я счастливым себя почитал,
Когда возносил он меня в небеса!
Скажи, неужель не осталось с тобой
И тепла, с чем в облаках мы парили?
И прошлого искру горящую просит... [1, с. 92]

В данном случае перед нами тонкая и искусная стилизация, способная обогатить любой литературный контекст.

Квинтэссенция смысла Главы седьмой «Рыцари» самым прямым, прозрачным и многозначительным образом раскрывается через построенную на глубоком проникновении в фольклорную основу сентенции выдающегося чеченского поэта фольклориста Ахмада Сулейманова:

Один достойный сын народа
Ценой не меньше, чем весь мир.
Ведь мир держался год от года
За счет достойнейших мужчин! [1, с. 107]

Образная и впечатляющая зооморфная символика, построенная на анимизме и антропоморфизме, имеет здесь отчасти народно-лирический, отчасти – притчевый характер, служащий цели создания многозначности и многоуровневости данного смысла.

Весьма важно, что в качестве эпиграфов к главам своего романа «Буря» Абузар Айдамиров избирает пять фрагментов текста Священного Корана и два фрагмента хадисов. Судя по данным фрагментам, писатель был глубоким знатоком священных коранических текстов, умело изыскивавшим именно те цитаты, которые наиболее глубоко адекватно, обобщающе и всесторонне характеризовали суть идейного содержания ряда ключевых основополагающих глав романа.

Высоко сакральное и одновременно предельно ясное пространство священных смыслов коранических текстов в романе «Буря» постоянно сменяется и перемежается цитированием насыщенных языческими архаическими и мифопоэтическими символами, построенными на анимизме и антропоморфизме, фольклорных песенных лирических и лиро-эпических текстов.

Особо выделяются писателем понятия, занимающие важнейшее место в духовно-нравственном менталитете чеченцев, системе народных ценностей *нохчалла* («чеченскость») и их социальной и духовно-нравственной иерархии: «кьонах – рыцарь по духу, молодец, благородный человек» [1, с. 69], «бьячи – предводитель, вождь» [1, с. 86], а также связанные с ритуальной стороной их существования: «чурт – надмогильный камень» [1, с. 62].

Вообще Абузар Айдамиров, свободно и в совершенстве владеющий как чеченским, так и русским языком, в своём творчестве весьма оригинально и остроумно обыгрывает особенности подобного билингвизма. В частности, в связи с фигурой Аюба, в детстве учившегося в русской школе в Грозном и в дальнейшем, находясь в тюрьме и на каторге, закрепившего и развившего знание устной и письменной русской речи, автор замечает, что, свободно владея русским языком, он «шутки ради любил говорить на нём, коверкая слова» [1, с. 34]. Писатель искусно имитирует подобное речевое поведение абрека, делая акцент на его независимом, насмешливом и местами озорном характере: «– Э, унтер, ты не отвечаешь за арестанта. Теперь отвечает ми, абреки. Скажешь начальникам, абреки сделал засада. Они бистро напали. Они били много. Двадцать, тридцать. А солдат мала, пят. Все связали, арестант

забрали и ушли в гора» [1, с. 35]. Подобные эпизоды расширяют диапазон граней национального колорита и национального народного характера.

Автор дает понять, что многоукладная традиционная культура народа – это отражение и одновременно продукт его самосознания.

Список литературы

1. Айдамиров А. Собр. соч. : в 6 т. Т. III. Буря. – Грозный, 2004.

References

1. Aidamirov A. Sobr. soch. in 6 vol. Vol. III. Burya. Groznii, 2004.

УМЕНИЕ ОЩУЩАТЬ ВРЕМЯ...¹

Индербаяев Гелани Вахаевич, кандидат филологических наук, Чеченский государственный педагогический институт, 364037, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33, e-mail: G.Inderbaev@bk.ru.

В статье рассматривается жизненная и творческая судьба известного чеченского писателя и драматурга М. Мусаева, выявляется его роль в процессе становления чеченской литературы после XX съезда КПСС. Особое внимание в статье уделяется драматургическим произведениям писателя.

Ключевые слова: драматург, конфликт, прозаик, персонаж, репертуар, радио, композиция, судьба, сюжет, художественный образ, личность, общественная жизнь, радио, война

THE ABILITY TO SENSE TIME...

Inderbaev Gelani V., Candidate of Philological Sciences, Chechen State Pedagogical Institute, 364037, Russia, Chechen Republic, Grozny, 33 Kievskaya st., e-mail: G.Inderbaev@bk.ru.

The article discusses the life and career of the fate of the famous Chechen writer and playwright M. Musaev, revealed his role in the process of formation of the Chechen literature after the twentieth Congress of the CPSU. Special attention is paid to the dramatic works of the writer.

Keywords: playwright, conflict, prose, character, repertoire, radio, song, fate, plot, imagery, personality, social life, radio, war

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения известного чеченского прозаика и драматурга Магомеда Мусаева.

Магомед Мусаев родился 15 июня 1915 года в большом старинном селе Алды, с которым были связаны значительные исторические события Чечни в прошлом. Из Алдов происходил легендарный шейх Мансур, возглавивший в XVIII веке национально-освободительное движение горцев Северного Кавказ.

Родители будущего писателя были крестьянами и занимались земледелием, и им не приходилось сомневаться в том, что их традиционное занятие не будет продолжено их сыном. Но жизнь их сына пришлась на другое время...

Окончив в 1930 году сельскую школу-семилетку, Мусаев поступает в Грозненское нефтяное училище, где получает специальность рабочего – оператора. Около десяти лет молодой человек работает на Грозненском нефтяном заводе. Здесь, на заводе, происходит становление Мусаева как лично-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00465.